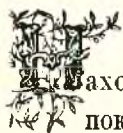

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИЗНИ АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ НАСТОЯТЕЛЯ РУССКО- ПОСОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РИМѢ ¹.

Находясь въ Римѣ, почти во все время пребыванія тамъ покойнаго отца архимандрита Порфірія, я имѣла случай видѣть его часто и присутствовала при его послѣднихъ минутахъ, — и потому, согласно желанію друзей его, считаю долгомъ передать все, что только мнѣ извѣстно о немъ.

По пріѣздѣ въ Римъ, въ началѣ марта 1865 года, я поспѣтила отца Порфірія. Пріемъ его былъ вообще чрезвычайно пріятный и въ полномъ смыслѣ пастырскій, что особенно пѣяется на чужой сторонѣ. Съ перваго же раза онъ внушалъ къ себѣ особенное уваженіе, любовь и довѣріе, такъ что за-

¹ Въ Правосл. обозрѣніи за 1866 годъ, въ январской книжкѣ замѣчено, что о. Порфірій Поповъ, скончавшійся въ Римѣ 13 января 1866 г., по окончаніи курса въ московской академіи въ 1850 г., началъ духовно-учебную службу свою въ виѣнско-русской семинаріи и продолжалъ ее въ московской академіи — въ должностяхъ преподавателя патристики, инспектора академіи и цензора по духовной литературѣ. Онъ пользовался любовью и уваженіемъ близко поставленныхъ къ нему лицъ за свое трудолюбіе, добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, и особенно за доброту сердца. Въ 1861 г. былъ перемѣщенъ на должность ректора кишиневской семинаріи. Разстроенное здоровье заставило его сойти съ духовно-учебнаго поприща. Онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ московскаго Симонова монастыря, но и здѣсь здоровье его не поправилось. Въ 1864 году, въ видахъ облегчить положеніе больнаго о. Порфірія, дѣлавшагося болѣе и болѣе труднымъ, онъ былъ отпращенъ въ Римъ настоятелемъ тамошней церкви при нашемъ посольствѣ. Итальянскій климатъ не помогъ о. Порфірію: изъ Рима онъ не возвратился.

ранѣе сердце говорило: вотъ гдѣ въ трудную минуту жизни можно найти успокоеніе и утѣшеніе! Такое отрадное впечатлѣніе вынесла и я изъ квартиры о. Порфирія послѣ перваго моего посѣщенія и, по возвращеніи домой, часто припоминала назидательныя рѣчи этого умнаго и добраго пастыря. Тоже отрадное впечатлѣніе выносилось и впоследствии: онъ во всякой бесѣдѣ находилъ случай сказать что нибудь назидательное, или пригодное для жизни, или располагающее душу къ полной покорности святому провидѣнію. Да, самъ онъ былъ преисполненъ христіанской любви: оттого эта святая любовь была душою всѣхъ его рѣчей и бесѣдъ. Съ другой стороны, истощенный болѣзнію видъ его, какая-то строгость во взглядѣ, жизнь, большею частію сосредоточенная и созерцательная, — все это, при встрѣчѣ съ такимъ пастыремъ, невольно заставляло оставлять суету мірскую и хлопоты житейскіе за прагомъ его скромнаго помѣщенія, въ которомъ не видно было никакой пышности, никакого украшенія; только книги, лежащія повсюду, и на столахъ и на стульяхъ, говорили, что это скромное жилище—не простаго мірянина, а мужа, который поставилъ себѣ цѣлю жизни трудиться во славу Божию и во спасеніе свое и ближнихъ. И не книги только,—нѣтъ всѣ слова и рѣчи о. Порфирія подтверждали тоже самое. Бывало, онъ всегда былъ хладнокровенъ и молчаливъ, когда въ присутствіи его говорили о чемъ нибудь, неимѣвшемъ никакого отношенія ни къ религіи, ни къ нравственности. А только что рѣчь касалась предметовъ религіозныхъ или нравственныхъ,—и о. Порфирій тотчасъ измѣнялся: откуда тогда бралось столько энергіи, столько силы духа въ этомъ болѣзненномъ тѣлѣ!... Его рѣчь была сжата и нѣсколько отрывиста; но въ краткихъ, мѣткихъ и выразительныхъ словахъ онъ передавалъ очень много. Видно, душа его была богата высокимъ знаніемъ и глубокими думами!... И эти слова его долго, долго слышались въ памяти слушателей... Видно, они были у него не дѣломъ впечатлѣнія мнпуты, а плодомъ зрѣлой, глубоко прочувствованной мысли!

Ничто не могло так оскорбить и разстроить его, иногда даже на нѣсколько дней, какъ не довольно уважительный отзывъ о предметахъ религіозныхъ или нравственныхъ. Онъ приходилъ тогда въ чрезвычайное раздраженіе, хотя и напоминали ему, что такое раздраженіе крайне вредно для него.—Да, религія была для него такою великою святынею, что изъ за нея, забывая свое болѣзненное состояніе, онъ часто входилъ въ жаркіе споры съ людьми, легко относившимися къ предметамъ вѣры, и даже съ членами римскаго духовенства не разимѣлъ самые длинныя диспуты, которые часто лишали его сна на всю ночь и имѣли вредное вліяніе на его здоровье.

Что касается до меня, то я навѣщала его часто, и чѣмъ чаще навѣщала, чѣмъ чаще прислушивалась къ его рѣчи, тѣмъ болѣе чувствовала его доброе вліяніе на состояніе моей души. Послѣ бесѣды съ нимъ я всегда чувствовала себя какъ-то лучше: вѣра во мнѣ дѣлалась живѣе, упованіе крѣпче.—Но какъ отрадно было это доброе вліяніе его,—такъ тягостна была мысль о ненадежности его здоровья. Докторъ его однакожь не терялъ надежды на восстановленіе его силъ, и увѣрялъ, что при спокойной регулярной жизни онъ можетъ скоро поправиться. Онъ передалъ свое мнѣніе бывшему повѣренному въ дѣлахъ барону Мейендорфу. Такъ какъ наступавшій великій постъ могъ утомить отца Порфирія, то баронъ Мейендорфъ, чтобы облегчить предстоявшіе ему труды, немедленно пригласилъ изъ Ниццы въ Римъ отца Кантидія, прибывшаго туда на одномъ изъ кораблей, сопровождавшихъ покойнаго Наслѣдника. Отецъ Каптидій вскорѣ прибылъ и, благодаря распоряженію барона Мейендорфа, мы были все успокоены на счетъ здоровья отца Порфирія. Впрочемъ о. Порфирій въ продолженіи всего поста пріѣзжалъ ко всемъ службамъ, часто самъ совершалъ литургію, на которой пріобщалъ своихъ духовныхъ дѣтей; самъ служилъ и всю страстную недѣлю, и пасхальную утреню; эти труды подъ конецъ чрезвычайно утомили его.

Для восстановленія силъ, онъ утренніе часы обыкновенно проводилъ на воздухѣ. Докторъ его Кунде отыскалъ ему удоб-

ное мѣсто, гдѣ онъ былъ защищенъ отъ вѣтра и пользовался солнечною теплотою: это мѣсто — на Monte Pincio, гдѣ есть прекрасный садъ, расположенный на одной изъ главныхъ возвышенностей Рима; здѣсь утромъ совершаютъ прогулку больные и дѣти, а вечеромъ—городское общество. Здѣсь-то и о. Порфирій съ книгой въ рукахъ проводилъ утромъ пѣсколько часовъ сряду. Монашеская одежда его сначала обращала на себя вниманіе любопытной публики, но такъ какъ онъ продолжалъ носить ее, и никогда не замѣнялъ ее свѣтскою, — то всѣ привыкли къ ней и знали, что это прогуливался настоятель православной русской церкви.

Послѣ святой недѣли, докторъ Кунде скончался, — и отецъ Порфирій пригласилъ доктора Valery, профессора римскаго университета. Valery настаивалъ, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе въ приморское мѣстечко Porto d' anzio, пользоваться тамъ цѣлебнымъ для него морскимъ воздухомъ, потому что тамъ въ апрѣлѣ и маѣ воздухъ имѣетъ самое благотворное вліяніе на больныхъ; а въ началѣ іюня появляются лихорадки, и оставаться тамъ опасно. Не мало нужно было употребить усилій, чтобы убѣдить его на эту поѣздку. Такъ какъ многіе русскіе оставались еще въ Римѣ, то онъ безпокоился о томъ, что безъ него могутъ совершать только обѣдницы, а не литургіи. Поэтому въ ожиданіи ихъ отъѣзда, онъ отълаживалъ и свою поѣздку, къ крайнему огорченію какъ насъ, такъ и доктора, его пользовавшаго. Внезапно полученное извѣстіе о кончинѣ Наслѣдника разстроило его чрезвычайно; отъѣздъ его былъ отложенъ, — и только 11 мая отправился онъ въ Porto d' anzio, весьма утомленный службами и душнымъ воздухомъ города, но за то съ покойной совѣстью, ибо русскихъ уже не оставалось въ Римѣ. Онъ поселился на самомъ берегу моря въ удобной квартирѣ, съ балкономъ, на которомъ сидѣлъ по вечерамъ и дышалъ влажнымъ морскимъ воздухомъ. Прекрасный морской берегъ, совершенно плоскій и песчаный, который, на протяженіи версты или болѣе, оканчивается нависшими скалами, служилъ ему мѣстомъ утренней и вечерней прогулки. Обыкновенно, часовъ въ

6, ему приводили осла, и онъ, въ сопутствіи вожатаго, отправлялся по этому берегу и тамъ, въ тѣни скалъ, у самого моря проводить все утро за чтеніемъ книгъ. Я два раза посѣтила его, и вполне поняла, какъ ему пришлось по душѣ это мѣсто. Почти къ самымъ ногамъ его подходили тихія волны. Море своею непредѣльностью наводитъ насъ на мысль о вѣчности. Какою же отрадою оно должно было вѣять на человѣка, который положить себѣ за правило жить на землѣ для вѣчности! Сколько свѣтлыхъ думъ, сколько свѣтлыхъ чувствъ оно должно было заронить въ эту чистую, боголюбивую душу! Къ тому же это мѣстечко, избранное о. Порфіріемъ, находилось вдали отъ всякаго жилья, и голосъ заботъ и тревогъ людскихъ не нарушалъ его покоя. Оттого онъ такъ полюбилъ это тихое уединеніе, что всѣ вечера до заката солнца оставался въ немъ,—и только къ 9 часамъ возвращался домой. Слѣдующій день шелъ тѣмъ же порядкомъ. Эта тихая, регулярная жизнь такъ возстановила его здоровье, что когда недѣли черезъ двѣ онъ пріѣхалъ въ городъ по случаю праздника, то мы всѣ съ радостью замѣтили въ немъ счастливую переменѣ: голосъ его сдѣлался гораздо звучнѣе, походка тверже, силы крѣпче. Докторъ радъ былъ этой переменѣ,—только совѣтовалъ ему не утруждать себя путешествіемъ въ городъ, тѣмъ болѣе, что и русскихъ въ городѣ уже не было.

4-го іюня, по совѣту того же доктора, о. Порфірій оставилъ Porto d' anzio и переѣхалъ въ Аричцію, мѣстечко близъ Альбано. Это—римскія дачи, живописно расположенныя по скату Альбанскихъ горъ, куда переѣзжаютъ на лѣто многіе римляне и иностранцы для избѣжанія духоты и нездороваго воздуха городского. Ему была нанята удобная квартира во дворцѣ Бонапарта, устроенномъ для лѣтнихъ жильцовъ. Одинъ изъ хорошихъ докторовъ Рима, Нардини, проводившій лѣто въ Альбано, былъ приглашенъ о. Порфіріемъ—наблюдать за ходомъ его болѣзни (этотъ докторъ лѣчилъ его впоследствии, до самой кончины). Онъ увѣрялъ, какъ и другіе, что, при спокойной регулярной жизни, здоровье отца Порфірія можетъ

поправиться на долго, повторилъ совѣты прежнихъ докторовъ, и требовалъ, чтобы онъ говорилъ, какъ можно менѣе, и умѣренно читалъ. Я проводила лѣто также въ Арругіи, и предложила ему мои услуги—читать для него вслухъ книги. Онъ принялъ мое предложеніе.

Тутъ онъ устроилъ жизнь свою какъ въ Porto d' anzio. Въ 6 часовъ утра онъ отправлялся на покойной и смиренной лошади (что также было предписано докторомъ) въ ближайшіе лѣса Альбанскаго озера, и тамъ, въ тѣни деревь, занимался чтеніемъ—часовъ до десяти. Къ 5-ти часамъ по полудни уѣзжалъ опять и возвращался домой съ закатомъ солнца. Въ промежуткахъ же, то есть, до обѣда и послѣ, я приходила читать ему; а иногда читала и вечеромъ, когда онъ не выѣзжалъ на прогулку. Когда я читала,—то чтеніе наше начиналось главою Евангелія и апостольскихъ посланій; я читала по русски, а о. Порфирій сличалъ по греческому подлиннику или по итальянскому переводу; потомъ слѣдовало чтеніе то русскихъ духовныхъ журналовъ, то клерикальныхъ римскихъ, то другихъ французскихъ и итальянскихъ книгъ духовнаго содержанія. Вечеромъ продолжалось тоже чтеніе, и почти каждый день онъ выслушивалъ одну, а иногда нѣсколько проповѣдей высокопреосвященнаго митрополита м. Филарета, которыми онъ восхищался постоянно. Когда я приходила, то обыкновенно лежали уже на столѣ отложенныя для чтенія книги съ загнутыми листами, которыя передавалъ онъ мнѣ, одну за другой. Такимъ образомъ было прочтено многое. Въ особенности его интересовало подробное описаніе жизни и дѣятельности С. Альфонса Лигори: глубокая вѣра этого мужа, неизмѣнная покорность волѣ Божіей и строгія правила привлекали вниманіе о. Порфирія. Много онъ также интересовался книгой, полученной имъ отъ одного католическаго священника, къ которой были подробно изложены уставы и исторія всѣхъ монашествующихъ орденовъ римской Церкви. Изученіе итальянскаго языка шло у него своимъ чередомъ и съ такимъ успѣхомъ, что къ концу лѣта онъ могъ читать свободно итальянскія книги и журналы. Чѣмъ болѣе я посѣщала

его, и видѣла вблизи, какъ текла жизнь его, тѣмъ болѣе изумлялась постоянно одинакому его настроенію: всегда былъ онъ неизмѣнно одинъ и тотъ же—какъ въ выраженіи лица, исполненнаго глубоко благочестивой думы, такъ въ рѣчахъ и пріемахъ. Когда у него не было посѣтителей, онъ былъ чрезвычайно спокоенъ; иногда говорилъ охотно и съ благодушіемъ, но рѣдко съ веселымъ духомъ. Веселое расположеніе проявлялось въ немъ только тогда, когда онъ хотѣлъ занять гостей своихъ; но видно было, что такое состояніе души было у него вынужденное.

Отецъ Порфирій вообще мало говорилъ про прежнюю жизнь свою; только съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени, проведенномъ имъ въ Симоновомъ монастырѣ, и былъ чрезвычайно доволенъ въ тотъ день, когда получалъ оттуда извѣстія. Они оживляли его; и тогда онъ охотно сообщалъ нѣкоторыя событія изъ жизни своей, много говорилъ о друзьяхъ своихъ, оставшихся въ Москвѣ; письма ихъ перечитывалъ неоднократно. Кажется, они были единственнымъ утѣшеніемъ въ его одинокой римской жизни.

Въ разсказахъ отца Порфирія особенно замѣчательна была полная готовность отдать должную справедливость каждому. Онъ не любилъ слушать пересудовъ и дурныхъ отзывовъ: если случалось ему слышать подобныя бесѣды, — онъ старался ихъ прекращать. Даже вступался за римско-католическій міръ и не вѣрилъ вполнѣ всѣмъ безчисленнымъ разсказамъ, которые сообщались ему. «Дурное», говорилъ онъ, «всегда и вездѣ преувеличивается, и больше занимаетъ людей, чѣмъ доброе; поэтому доброе и остается менѣе извѣстнымъ.»

Безучастность къ удовольствіямъ міра и безкорыстіе—также замѣчательная была черта въ жизни о. Порфирія. Онъ крайне былъ недоволенъ, когда видѣлъ, что истрачивается сумма, какъ бы она мала ни была, на вещь ненужную, или на пустое удовольствіе; ему и на мысль не приходило пріобрѣсти для себя что нибудь такое, что служило бы къ большому удобству для его жизни, или украшеніемъ его комнаты. Онъ, повидимому,

ничего не желалъ и ничего не имѣлъ. Одежда его была до того скромна, что послѣ кончины его остались только двѣ ряссы—одна, сдѣланная имъ въ Римѣ изъ весьма дешевой матеріи, другая изъ болѣе дорогой матеріи, которую онъ надѣвалъ по праздникамъ. При такомъ настроеніи души трудно было окружавшимъ его доставить какое нибудь удовольствіе.— Мнѣ впрочемъ разъ досталась эта честь. Однажды я пришла къ нему вечеромъ для чтенія книгъ. Онъ спросилъ меня: «что жъ мы будемъ читать сегодня?»—«Что вамъ угодно», отвѣчала я.—«А вамъ что бы хотѣлось?»—«Мнѣ, отвѣчала я, сегодня хотѣлось бы почитать Евангеліе и нѣкоторые проповѣди преосвященнаго Филарета.»—«Какое удовольствіе», сказалъ онъ, «доставляете вы мнѣ подобнымъ желаніемъ! Дай Богъ, чтобъ и впредь оно было вамъ присуще. Изберите же сами тѣ главы, которыя желаете прочесть, и прочтите. По окончаніи чтенія, онъ долго говорилъ со мной, поясняя прочитанное и былъ въ полномъ благодушіи.—«Благодарите, и возноситесь чаще мыслью къ Господу Богу», сказалъ онъ мнѣ, когда я оставляла его, «просите благословенія Его на всѣ дѣла ваши, и помните, что благословеніе Его пріобрѣтается вѣрою, любовью и покорностью волѣ Его. Не унывайте и не огорчайтесь, если желанія ваши не исполняются въ жизни. Будьте твердо увѣрены, что все ко благу и спасенію нашему; мы часто не знаемъ, чего желаемъ и чего просимъ. Предайтесь же исполнѣ святой волѣ и милосердію Господа Бога, и спокойствіе душевное будетъ вашимъ утѣломъ.»

Когда я пришла на слѣдующій день, на столѣ его лежала уже книга проповѣдей преосвященнаго митрополита Филарета съ загнутыми листами.

—«Вотъ прочтите эти проповѣди,» сказалъ онъ мнѣ, когда я кончила обычное чтеніе Евангелія и посланій апостольскихъ, «и скажите мнѣ, что наиболѣе произведетъ на васъ впечатлѣніе.»

Въ концѣ іюля сильные и продолжительные жары при совершенномъ недостаткѣ дождя нѣсколько ослабили его; еще болѣе разстраивали его здоровье поѣздки въ Римъ, для со-

вершенія службъ по праздникамъ, хотъ русскихъ въ городѣ никого почти не было. Ему говорили, что обыкновенно на лѣто церковь запирается, и причтъ уѣзжаетъ въ окрестности, потому что не для кого почти служить. Онъ не хотѣлъ нарушать своихъ обязанностей,—и только лихорадка, полученная имъ въ Римѣ, сильное изнуреніе и убѣжденія доктора заставили его отложить свои поѣздки въ Римъ для служенія.

Въ Ариччіи онъ поправился совершенно; часто посѣщалъ ближайшіе монастыри, изучалъ бытъ ихъ, познакомился со многими духовными лицами, которыя не рѣдко навѣщали его. Всѣ отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ; даже прислуга дома, гдѣ онъ жилъ, спѣшила наперерывъ угодить ему, подходила цѣловать его руку, принимала живое участіе въ состояніи здоровья его и иначе не отзывалась о немъ, какъ о человѣкѣ святомъ.—«Неужели и другіе пастыри ваши ходятъ на него?» спрашивали у меня многіе, разговаривавшіе съ нимъ, или только видѣвшіе и слышавшіе про него,—спрашивали какъ поселяне окрестностей Рима, такъ и особы другихъ слоевъ общества. И врачъ, пользовавшій его, не разъ мнѣ говорилъ: «я считаю себя счастливымъ, что пользую такого прекраснаго паціента. — Такаѣ глубокаѣ вѣра, такое непреклонное желаніе исполнять долгъ свой, — это рѣдкій и назидательный для каждаго изъ насъ примѣръ; я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ успѣлъ возстановить его здоровье; но боюсь, что просьбы мои не утруждать себя сверхъ силъ зимой останутся безуспѣшны и не преклонятъ непреклонной воли его». Къ несчастію опасенія врача сбылись.

Въ концѣ сентѣбря новаго стѣля о. Порфирій неожиданно собрался на нѣсколько дней въ Неаполь, чтобы посѣтить о. Михаила, посольскаго священника, котораго очень любилъ, и съ которымъ во время его пребыванія въ Римѣ имѣлъ длинныя бесѣды. Я убѣждала его не предпринимать этой поѣздки, потому что воздухъ Неаполя вреденъ для слабогрудныхъ. Онъ отвѣчалъ, что поѣздка для него необходима, что онъ ѣдетъ не болѣе, какъ на три дня, и что въ такое короткое время воздухъ

Неаполя не можетъ имѣть на него вліянія. Докторъ не останавливалъ о. Порфирія. «Для такого ученаго и умнаго чело-вѣка», говорилъ онъ, «общество людей, ему подобныхъ и занимающихся тѣмъ же дѣломъ, необходимо не только для мораль-наго состоянія его, но и для здоровья. Я соглашаюсь на эту поѣздку, потому что предполагаю, что свиданіе съ вашимъ посольскимъ священникомъ можетъ быть ему нужно и послу-жить развлеченіемъ въ столь одинокой и однообразной жизни его; къ тому же и путешествіе удобно: оно совершается скоро и по желѣзной дорогѣ.» Отецъ діаконъ нашей посольской рим-ской церкви сонутствовалъ отцу Порфирію. Отецъ Порфирій поѣхалъ уже дѣсколько усталый: онъ наканунѣ, т. е. 14-го сентября, совершалъ литургію въ Римѣ, и всенощное бдѣніе 13 числа.

Черезъ 6 дней они возвратились. О. Порфирій такъ былъ слабъ, что докторъ, увидѣвшій его на слѣдующее утро, былъ изумленъ, и много сожалѣлъ, что согласился на это путешест-віе. По словамъ о. Порфирія, онъ уже въ Римѣ чувствовалъ себя не хорошо; а въ Неаполѣ продолжительные бесѣды съ о. Михаи-ломъ, посѣщеніе нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ познакомиться съ нимъ, осматриваніе монастырей и церквей еще болѣе утоми-ли его. По истеченіи трехъ дней онъ оставилъ Неаполь, и хотъ чувствовалъ себя весьма худо, но на обратномъ пути испол-нилъ свое желаніе—посѣтить монастырь Monte Cassino, осно-ванный св. Бенедиктомъ, и имѣющій одну изъ самыхъ замѣ-чательныхъ и богатыхъ библіотекъ католическаго міра. Осмо-трѣвъ всѣ замѣчательности монастыря и разспросивъ обо всемъ что могло интересоватъ его, онъ въ тотъ же день съ поѣздомъ же-лѣзной дороги пріѣхалъ къ вечеру въ Ариччію.

Такимъ образомъ онъ исполнилъ все, что заранѣе предпо-ложилъ. Его дѣятельность и неизмѣнная привычка исполнять всякое дѣло безъ малѣйшаго отлагательства—не измѣняли ему и во время его болѣзни. Эта необыкновенная аккуратность и точность въ исполненіи была одною изъ отличительныхъ чертъ его характера. Когда онъ сообщалъ о своемъ намѣреніи сдѣ-

лать то или другое, это было уже дѣломъ сдѣланнымъ, ибо онъ сообщалъ тогда только, когда все было имъ обдумано и рѣшено. Исполненіе уже совершалось немедленно и онъ успокоивался лишь тогда, когда все предположенное было исполнено. Такъ совершилась и поѣзка въ Неаполь, о которой объявилъ онъ наканунѣ отъѣзда въ Римъ, и не смотря на дурное состояніе здоровья, исполнилъ все, что заранѣе предположилъ. Къ несчастію, онъ слишкомъ рассчитывалъ на свои силы; и путешествіе его въ Неаполь принесло ему положительный вредъ. Можетъ быть, здоровье его и поправилось бы сколько нибудь, если бы онъ подольше отдохнулъ за городомъ на чистомъ воздухѣ, среди спокойной, деревенской жизни; но это не состоялось. Узнавъ, что два русскихъ семейства уже прибыли въ Римъ, онъ и самъ сталъ собираться туда же; а когда услышалъ о болѣзни одного изъ художниковъ, — то, ни мало не медля, велѣлъ подать экипажъ и уѣхалъ. — «Видите», сказалъ онъ мнѣ при прощаньи, «какъ мнѣ теперь нужно быть въ городѣ.» Въ Римѣ онъ нанялъ для себя другую квартиру, которая имѣла всѣ желаемыя имъ условія: она была вблизи отъ посольской церкви, расположена на югѣ, съ певысокой и покойной лѣстницей; была уютна, тепла и такъ просторна, что въ одной изъ комнатъ, находившейся въ сторонѣ, онъ устроилъ моленную, гдѣ служилъ молебны и панихиды. Въ хорошую погоду онъ выезжалъ каждый день, даже посѣтилъ лекціи университета (Sapienza) и римской коллегии (Colleggio romano). Въ эту зиму, какъ и въ предшествующую, онъ проводилъ всѣ дни въ занятіяхъ.

Богословіе, церковная исторія, христіанская археологія, церковные обряды, устройство монашескихъ ордеповъ и духовныхъ училищъ, — вотъ предметы, которые возбуждали въ немъ самый живой интересъ. Проѣзжая черезъ Германію, сѣверную и среднюю Італію, на пути изъ Москвы въ Римъ, онъ и тамъ не упускалъ случая посѣщать монастыри и школы. Ни болѣзни, ни утомленіе отъ пути, ни отсутствіе привычки говорить на живыхъ языкахъ не были для него препятствіемъ. Хорошо зная латинскій языкъ, онъ на немъ объяснялся съ

монахами, священниками, учителями и инспекторами какъ въ католической Германіи, такъ и въ сѣверной Италіи и Римѣ.

Прибывъ въ столицу папства, онъ тотчасъ запасае календарями и мартирологами, чтобъ изучать жизнь и особенности римско-католическаго міра; съ этою же цѣлію онъ посѣщалъ церкви и монастыри. Постоянное чтеніе издаваемыхъ въ Римѣ духовныхъ журналовъ (*Civilla Catolica*, *Salvatore* и друг.), равно и другихъ книгъ съ клерикальнымъ характеромъ знакомяло его съ развитіемъ и внутреннею жизнью западнаго католическаго міра. Кругъ знанія этого міра еще болѣе разширялся въ немъ чрезъ личное знакомство и частыя и долгія бесѣды съ членами римскаго духовенства. Между ними къ числу его знакомыхъ принадлежалъ извѣстный ученый кардиналъ Питра и одинъ изъ провинціальныхъ генераловъ іезуитскаго ордена. Іезуитъ Мартыновъ, во время своего пребыванія въ Римѣ, также посѣщалъ о. Порфирія.

Каждое новое сочиненіе по богословію или исторіи Церкви тотчасъ пріобрѣталъ о. Порфирій. Мнѣ очень памятно, какъ интересовался онъ книгой Тейнера о Климентѣ XIV, гдѣ подробно изложены обстоятельства уничтоженія ордена іезуитовъ съ перепиской и отзывами католическихъ государей по этому поводу.

Христіанская археологія также сильно занимала его. Вопросъ объ устройствѣ иконостаса онъ старался разъяснить архитектурными остатками въ катакомбахъ и въ базиликѣ св. Климента. Прочитавъ однажды о древней иконѣ визавтійскаго стиля въ церкви Богородицы въ Космединѣ (*S-ta Maria in Cosmedin*), онъ тотчасъ же поѣхалъ туда, чтобъ собственнымъ опытомъ провѣрить впечатлѣніе автора. Избранный въ общество древнерусскаго искусства, онъ сильно тревожился тѣмъ, что его здоровье не позволяло ему принимать участіе въ трудахъ этого общества.

По возвращеніи въ Римъ, я по прежнему навѣщала о. Порфирія и читала для него книги. Выборъ чтенія былъ все тотъ же. Онъ особенно интересовался въ эту пору изученіемъ ордена

іезуитовъ; но подобныя книги въ Римѣ имѣть трудно. Гр. Бобринскій, узнавъ объ его желаніи прочесть исторію этого ордена, написанную священникомъ Гетте, немедленно выписалъ ее изъ Парижа и прислалъ о. Порфірію. Эта книга была послѣдняя, которую я читала ему.

Въ началѣ декабря силы его стали замѣтно упадать. Чувствовалъ это и самъ больной,—только никому не говорилъ ни о томъ, что онъ крайне слабъ, ни о томъ, что онъ по слабости своего здоровья просилъ себѣ уже помощника изъ Москвы. Я узнала о томъ и другомъ неожиданно. Однажды я пришла сообщить ему мысль гр. Бобринскаго просить отъ имени всѣхъ русскихъ, проживающихъ въ Римѣ, помощника изъ Россіи отцу Порфірію. «Посоветуйте намъ только», сказала я ему, «какъ это сдѣлать лучше и вѣрнѣе». Онъ былъ чрезвычайно тронутъ такимъ вниманіемъ. «Поблагодарите отъ меня», отвѣчалъ онъ, «но это дѣло уже сдѣлано. Я послалъ письмо, въ которомъ самъ просилъ себѣ помощника». «Когда же это вамъ вздумалось?» — «просила я.—«О, въ бессонныя ночи чего-чего ни придумаешь», отвѣчалъ онъ. — «Неужели по ночамъ вы не спите?» — «Да», отвѣчалъ онъ спокойно, «развѣ вы не замѣчаете, что я сталъ гораздо слабѣе?» — «Отчего же вы прежде не сказали намъ, что чувствуете себя хуже, и что хотите просить себѣ помощника? Вѣдь это давно было бы уже устроено.» — «До великаго поста меня хватитъ», сказалъ онъ также спокойно, «а послѣ, не знаю».

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ изъ Москвы отвѣта на письмо свое. Здоровье его шло хуже, онъ становился слабѣе, задумчивѣе и безпокойнѣе; чтеніе уже не занимало его, какъ прежде; какія-то грустныя думы читались на блѣдномъ лицѣ его. Но дней за десять до праздника рождества Христова онъ почувствовалъ себя крѣпче, и согласился для желавшихъ говѣть—служить обѣдницы и всенощныя бдѣнія въ своей моленной, гдѣ стоялъ наложъ съ св. крестомъ и Евангеліемъ. Читалъ молитвы тихо, часто отдыхалъ и во все время служенія стоялъ, облокотясь на наложъ; послѣ службы нѣсколько времени спокойно проводилъ въ бесѣдѣ съ говѣвшими.

Всенощное бдѣніе наканунѣ рождества Христова онъ началъ очень бодро, но къ концу было замѣтно въ немъ сильное утомленіе. За обѣдней, въ день праздника, онъ еще болѣе утомился, и такъ какъ хотѣлъ непременно служить самъ вечеромъ всенощное на воскресенье, то домой не возвращался, а остался въ зданіи посольства. Княгиня Горчакова, постоянно заботившаяся о немъ, устроила для него все необходимое. Тамъ онъ провелъ время до всенощнаго бдѣнія, которое совершалъ крайне изнеможенный. «Неужели вы будете служить завтра?» спросила я его, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжала: «а меня просили многіе русскіе, которыхъ я сегодня видѣла, передать вамъ ихъ просьбу, чтобы вы не служили завтра обѣдни, а поручили о. діакону отслужить обѣдницу. Погода дурная и холодная, вы такъ устали, поберегите себя на будущую недѣлю, вамъ предстоитъ еще много трудовъ». — «Поблагодарите ихъ всѣхъ за участіе», замѣтилъ онъ мнѣ на это, «я еще въ силахъ, и завтра могу служить». Наставать было бесполезно.

Не смотря на дождливую и холодную погоду, онъ пріѣхалъ въ церковь и совершилъ литургію. Всѣ русскіе просили его убѣдительно не служить болѣе, но крайней мѣрѣ до Крещенія, чтобъ можно было отдохнуть и съ силами собраться. «Нѣтъ», возражалъ онъ, — «служить — это мой долгъ, и долгъ священный, и я чувствую въ себѣ еще довольно силъ исполнить его.» Наканунѣ новаго года, въ холодный вечеръ, онъ опять поѣхалъ въ церковь и послѣ всенощнаго бдѣнія почувствовалъ себя гораздо хуже. За обѣдней онъ былъ уже такъ слабъ и блѣденъ, что страшно было смотрѣть на него; а между тѣмъ всѣ возгласы онъ старался говорить громко и внятно сверхъ силъ своихъ. Молитву за молебномъ онъ едва могъ окончить. Во время же пѣнія *Тебе Бога хвалимъ* онъ почувствовалъ совершенный упадокъ силъ и отошелъ отъ престола Божія. Когда я зашла къ нему послѣ службы, онъ, послѣ долгаго молчанія, спросилъ меня заботливо: «Меня, я думаю, сегодня за службой и не слышно было». — «Напротивъ», отвѣчала я,

вы слишком громко произносили молитвы; а вѣдь чрезъ это вы раздражаете легкія, о чемъ неоднократно говорилъ вамъ докторъ.» «Все — въ волѣ Божіей», замѣтилъ онъ съ спокойнымъ духомъ.— «А я къ вамъ посломъ отъ всѣхъ русскихъ», продолжала я, «всѣ умоляютъ васъ не служить, пока не поправитесь, и завтра поручить о. діакону отслужить обѣдницу.» На это онъ повторилъ тоже, что и прежде, т. е. что служить — священный долгъ его, — только прибавилъ, что всенощнаго бдѣнія онъ не въ состояніи теперь совершать. «Да вы теперь недвижимы», сказала я, «какъ же вамъ служить, да и для кого? Вѣдь, вы знаете, сегодня званые обѣды и вечера, и никого не будетъ въ церкви»... «И вы не будете?» спросилъ онъ меня.— «Я также звана на обѣдъ», отвѣчала я, «но постараюсь поспѣть хоть къ концу всенощнаго бдѣнія, и, если позволите, захвачу къ вамъ узнать о вашемъ здоровьи.» Онъ согласился. Лишь только я пришла къ нему послѣ всенощнаго, онъ тотчасъ же спросилъ меня: «много было въ церкви?» — «Да какъ я вамъ говорила», отвѣчала я, «почти никого.» — «А служба шла хорошо?» спросилъ онъ опять. — «Очень хорошо», отвѣчала я, «и пѣвчіе пѣли прекрасно.» За тѣмъ я прибавила: «во все время нашего обѣда рѣчь шла о васъ, о. архимандритъ; всѣ очень жалѣютъ, что вы изъ-за насъ такъ утруждаете себя. Мы часто по лѣности, или изъ-за пустыхъ мелочей опаздываемъ къ службамъ, или вовсе упускаемъ ихъ; а вы? Вы, больной, изнеможенный, убиваете себя изъ-за насъ. Это, право, совѣстно, даже тяжело для насъ. И потому меня просили убѣдить васъ, что если вы не хотите побережь себя для васъ самихъ, то сдѣлайте это для насъ. Мы любимъ, высоко цѣнимъ и почитаемъ васъ, какъ умнаго и добраго пастыря; вы для насъ очень нужны; поберегите же себя для пользы вашей паствы... Вѣдь и забота о пользѣ паствы — не послѣдній долгъ пастыря!» — «Вѣдь и я высоко цѣню и свято чту», замѣтилъ онъ, «эти чувства моей доброй паствы, мною незаслуженныя... Передайте ей мою искреннюю благодарность, но скажите, что, если только я нуженъ для паствы моей, Гос-

подъ Богъ сохранить меня для ней. Но мой долгъ прежде всего исполнять обязанность служителя Церкви, а въ остальномъ предаться исполнѣ святой волѣ Божіей.»—И, вѣрный слову своему, на другое утро въ воскресенье, не смотря на чрезвычайную слабость свою и холодное время, отправился ссвершать литургію—и совершилъ,—но нужно было видѣть, чего ему это стоило! По лѣстницѣ его носили на рукахъ!.. Между тѣмъ еще предстояли службы въ сочельникъ и крещеніе... О. Порфирій самъ видѣлъ, что для этихъ службъ онъ долженъ былъ пріобрѣсти много силъ, и потому въ теченіи трехъ дней до сочельника онъ старался не дѣлать ни малѣйшаго движенія, сидѣлъ въ покойномъ креслѣ и не говорилъ почти ни слова. Это ему помогло; но на самый короткій срокъ. Въ сочельникъ за великимъ водоосвященіемъ уже замѣтно въ немъ было утомленіе; за всенощнымъ онъ былъ еще слабѣе, а за обѣдней въ день крещенія онъ былъ такъ слабъ, что когда стоялъ съ крестомъ въ царскихъ дверяхъ, и дѣлалъ отпустъ,—то два раза пошатнулся и молитва замерла на устахъ его. Страшно было смотрѣть на него, но все жъ никто не думалъ, что это была послѣдняя его служба, и что черезъ недѣлю, въ этой самой церкви, мы увидимъ его уже во гробѣ.

Послѣ обѣдни я заѣхала къ нему; онъ въ крайнемъ разслабленіи недвижимо лежалъ на диванѣ. Потомъ сѣлъ въ кресло и попросилъ меня читать ему. Я читала, а онъ постоянно перемѣнялъ свое положеніе, то ложился, то садился. Тяжкія страданія его выражались какъ на лицѣ его, такъ и въ частыхъ, тяжелыхъ вздохахъ; но ни одной жалобы, ни одного ропотливаго слова не слышно было отъ него.

На другой день онъ былъ еще слабѣе, и просилъ меня послать телеграмму въ Москву, чтобы узнать, скоро ли оттуда прибудетъ къ нему помощникъ... «Я боюсь», прибавилъ онъ, «чтобъ безъ него вамъ не остаться безъ службы въ воскресные дни.» Телеграмма немедленъ была отправлена. Онъ съ петербургскимъ ждалъ отвѣта, и рассчитывалъ, когда можетъ получить его.

Въ субботу я почти весь день читала для него книги.

Онъ слушалъ съ полнымъ вниманіемъ, и иногда останавливалъ меня, чтобъ поглубже вникнуть въ прочитанное. Удивительная сила духа въ слабомъ тѣлѣ!... Къ вечеру пришелъ докторъ, и по осмотрѣ больного сказалъ мнѣ: «я теряю всякую надежду на его выздоровленіе; мнѣ кажется, что дни его сочтены; можетъ быть, все кончится очень скоро; завтрашній день впрочемъ опредѣленнѣе скажетъ, чего можно ожидать.»

Когда послѣ всенощнаго бдѣнія я зашла опять къ нему, — онъ попросилъ меня написать въ Неаполь къ отцу Михаилу, чтобы онъ постарался пріѣхать въ Римъ къ будущему воскресенью для совершенія богослуженія, — и когда на другой день, въ воскресенье послѣ обѣдни, я навѣстила его, — то первый вопросъ услышала отъ него: «хорошо ли шла служба?» Я дала ему утвердительный отвѣтъ, и прибавила: «мы молились гораздо спокойнѣе, нежели когда вы, больные и слабые, служите.» Онъ махнулъ рукой и сказалъ: «я и сегодня могъ бы отслужить, да докторъ увѣрилъ меня, что мнѣ не выстоять службы. Другому бы я не повѣрилъ.» Потомъ вдругъ съ безпокойствомъ спросилъ: «а письмо къ отцу Михаилу?» — «Оно уже на пути въ Неаполь», отвѣчала я. — «Ну, спасибо вамъ», сказалъ онъ; «а какъ вы думаете, когда пріѣдетъ онъ?» — и получивъ отвѣтъ, что о. Михаилъ прибудетъ въ среду, просилъ меня продолжать чтеніе исторіи Гетте, и спокойно слушалъ ее.

Въ 2 часа служитель его принесъ обычный его обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ и поставилъ на столѣ близъ постели, въ углу комнаты. О. Порфирій посмотрѣлъ на столъ, и остался недвижимъ. Замѣтивъ, что онъ неоднократно взглядомъ какъ будто измѣрялъ пространство, отдѣляющее его отъ стола, — я принесла къ нему кушанье. Онъ пообѣдалъ, и просилъ меня продолжить чтеніе. Я продолжила, — и, оставляя о. Порфирія, просила служителя его сказать доктору, который обѣщалъ въ 5 часовъ навѣстить к ѣнта, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ. — Докторъ зашелъ, и сказалъ мнѣ рѣшительно, что всякая надежда потеряна, что болѣзнь идетъ быстро, и что было бы хорошо, если бы о. Михаилъ пріѣхалъ въ среду.

Я немедленно послала телеграмму о. Михаилу, прося его прибыть въ Римъ, какъ можно скорѣй, и потомъ поспѣшила къ о. Порфирію. Онъ спросилъ меня: «когда думаете вы получить отвѣтъ отъ о. Михаила?» Я отвѣчала: «завтра утромъ; потому что я, зная неаккуратность здѣшнихъ почтъ, въ другой разъ ему телеграфировала, и просила его, для вашего спокойствія, прибыть въ Римъ какъ можно скорѣе, — и онъ во вторникъ, вѣроятно, прибѣдетъ.»—О. Порфирій очень радъ былъ такой вѣсти и просилъ меня заняться чтеніемъ.

Въ понедѣльникъ рано утромъ—принесли мнѣ телеграмму отъ о. Михаила, извѣщавшую о его приѣздѣ на слѣдующій день.—«Вотъ», сказала я о. Порфирію, «о. Михаилъ будетъ завтра здѣсь», — и подала ему телеграмму. Онъ съ большою радостью прочелъ ее, и сказалъ: «ну, спасибо ему, — добрый человѣкъ!»

Къ полудню пришелъ докторъ, и сказалъ мнѣ при выходѣ, что онъ не ручается не только за нѣсколько дней, но и за одинъ часъ, и потому просилъ меня распорядиться, чтобъ всю ночь кто нибудь былъ около него. Я сама рѣшилась наблюдать за нимъ цѣлую ночь,—и потому, когда о. Порфирій сказалъ мнѣ: «ну, теперь пора уже вамъ домой; уже 9 часовъ,» — я спросила его: не позволите ли мнѣ остаться у васъ? Докторъ настоятельно просилъ, чтобы около васъ былъ кто нибудь, для наблюденія за временемъ принятія лѣкарствъ, для подачи вамъ нужныхъ для васъ вещей, такъ какъ вамъ не слѣдуетъ дѣлать теперь ни малѣйшихъ движеній, требующихъ отъ васъ какихъ нибудь усилій или напряженій. Это единственное средство для вашего поправленія.» — «Сальваторъ (это было имя его слуги) посидитъ подлѣ меня,» отвѣчалъ онъ.—«Но Сальваторъ не въ силахъ провести ночь безъ сна», возразила я; «онъ съ 5 часовъ утра на ногахъ; онъ готовилъ кушанье; онъ сколько разъ выходилъ со двора!» — «Я позвоню, когда мнѣ будетъ нуженъ», сказалъ онъ, «и нѣтъ необходимости ему сидѣть около меня.»—«Но вѣдь докторъ приказалъ», я снова возразила, «притомъ Сальваторъ можетъ не услышать вашего

звонка. Позвольте же мнѣ остаться. Я возьму книгу и буду читать; мнѣ вовсе спать не хочется; а когда отдохнетъ Сальваторъ, онъ тогда побудетъ около васъ.» — «Ни за что», сказалъ онъ не спокойно... Я приняла отъ него благословеніе и вышла изъ комнаты; но осталась въ прихожей, откуда можно было все слышать. До часу ночи онъ, кажется, былъ спокоенъ, но послѣ сталъ кашлять и все чаще и чаще; наконецъ раздался звонокъ, и другой вслѣдъ за первымъ. Сальваторъ не приходилъ... Я рѣшилась войти въ комнату, — и только что отворила дверь, какъ запахъ дыма поразилъ меня: комната была вся полна имъ. Съ ужасомъ взглянула я на о. Порфирія; онъ сидѣлъ на диванѣ, опершись рукой на столъ. Я поспѣшила бросить въ каминъ выкатившееся полѣно, которое, вѣроятно, уже давно дымилось. — «Какъ вы здѣсь?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. — «Я не могла не послушаться доктора; я не могла оставить васъ однихъ, — и что я сдѣлала, то, безъ сомнѣнія, сдѣлала бы и каждый изъ вашихъ друзей», отвѣчала я. — «Гдѣ же вы сидѣли?» снова онъ спросилъ. — «Въ прихожей.» — «Да тамъ вѣдь страшный холодъ?» — «Да, очень холодно», отвѣчала я намѣренно, чтобъ онъ позволилъ мнѣ остаться у него. — «Такъ зачѣмъ же вы уже здѣсь не сидѣли, если непременно хотѣли остаться?» — «Да вѣдь вы же сами не позволили, и даже разсердились на меня; и вотъ, чтобъ успокоить васъ, я и ушла изъ комнаты въ прихожую.» — «Отогрѣйтесь поскорѣй у камина,» продолжалъ онъ съ безпокойствомъ; «вѣдь можно простудиться, а бѣда быть больнымъ.» — «Никакой нѣтъ бѣды», отвѣчала я, «только нужно исполнять приказанія доктора, и тогда все пойдетъ хорошо; а теперь прошу васъ, успокойтесь; я отворю двери, вымахая дымъ, и кашель вашъ прекратится.» Черезъ нѣсколько времени онъ дѣйствительно успокоился, но вовсе не спалъ, и даже не задремалъ ни на минуту. Во вторникъ (12 января) утромъ онъ спросилъ чаю, чего прежде не позволялъ себѣ, ибо чай былъ запрещенъ ему. Весь день провелъ онъ одинаково. Всѣ русскіе заѣзжали и утромъ и вечеромъ узнавать о состояніи

его здоровья и входили въ моленную, гдѣ уже съ утра былъ нашъ почтенный и добрыйшій о. діаконъ, который и передавалъ имъ все, что касалось о. Порфирія. Когда о. Порфирій слышалъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, — это замѣтно тревожило его. Я говорила ему, что всѣ очень жалѣютъ его и постоянно навѣдываются о немъ. — «Что же имъ говорятъ обо мнѣ?» спрашивалъ онъ. — «Да то, что вы еще не поправились, и что принять никого не можете; впрочемъ они и не желаютъ беспокоить васъ.» Онъ два раза приглашалъ къ себѣ тѣхъ, которые навѣдывались о его здоровьи, — и между ними княгиня Шаховской, которой сестра уѣхала въ Россію и черезъ мѣсяцъ должна была вернуться въ Римъ, сказалъ очень спокойно: «кажется, сестрицы вашей мнѣ не дождаться.» Это было единственное слово во все время его болѣзни, которое доказывало, что онъ чувствовалъ опасность своего положенія и близкій конецъ.

Къ крайнему сожалѣнію, въ 12 часовъ дня, я получила телеграмму отъ о. Михаила, увѣдомлявшаго, что, по случаю отъѣзда неаполитанскаго намѣстника, поѣзды желѣзной дороги были внезапно перемѣнены, и потому онъ пріѣдетъ не ранѣе какъ завтра въ 6 часовъ вечера. Я не рѣшилась передать это непріятное извѣстіе о. Порфирію, полагая, что, можетъ быть, онъ самъ заведетъ о немъ рѣчь. И въ самомъ дѣлѣ часовъ въ 5 онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: — «Вотъ скоро пріѣдетъ о. Михаилъ. Приготовилъ ли Сальваторъ обѣдъ ему, и кто поѣдетъ встрѣчать его на желѣзную дорогу?» Тогда я сообщила ему содержаніе телеграммы. Онъ безъ тревоги сказалъ: «такъ на завтра надо распорядиться.»

Къ вечеру ему стало замѣтно хуже; маленькая хрипота послышалась въ горлѣ; онъ постоянно то раскрывалъ, то закрывалъ глаза и перемѣнялъ положеніе.

Часовъ въ 11 онъ пожелалъ перейти въ спальню и лечь на постель. До сего времени онъ лежалъ въ гостиной на диванѣ, совершенно одѣтый. Онъ приподнялся очень скоро

и всталъ. Когда я хотѣла поддержать его, онъ сказалъ: «не нужно, я дойду самъ,» — и дошелъ довольно скоро и твердо. Но за сдѣланнымъ усиліемъ послѣдовало страшное ослабленіе: онъ не легъ, а почти упалъ на постель, и лежалъ недвижимо нѣсколько минутъ. Потомъ приподнялся, и попросилъ уложить ему подушки повыше. Хрипота въ горлѣ усилилась, дыханіе сдѣлалось прерывисто и коротко. Ежеминутно можно было ожидать конца его, и каждый его вздохъ казался послѣднимъ. Лице его было страшно блѣдно, взоръ угасалъ. 13 января утромъ, часа въ 2, слуга его принесъ телеграмму. Я передала ее о. Порфирію. Это была *телеграмма изъ Москвы отъ о. архимандрита Инатія*, извѣщающая о скоромъ отъѣздѣ помощника о. Порфирія. Онъ распечаталъ телеграмму, прочелъ ее, и съ радостью сказалъ: «славу Богу, я теперь спокоенъ». Въ скоромъ времени онъ опять пожелалъ перейти въ гостинную, и всталъ съ постели, но уже одинъ не въ силахъ былъ перейти комнату. Онъ легъ опять на тотъ же диванъ около камина, и какъ будто не могъ найти удобнаго положенія, а между тѣмъ ни одной жалобы не вырвалось изъ груди его... «Какой примѣръ терпѣнія подаете вы намъ», воскликнула я невольно, «вотъ почти двое сутокъ, какъ вы не уснули ни на минуту, чувствуете такое безпокойство и, конечно, страдаете, и между тѣмъ ни однимъ словомъ не выражаете вашихъ страданій.» Онъ безмолвно взглянулъ на меня, но взглядъ этотъ выразилъ все то страданіе и томленіе, которое онъ переносилъ такъ безропотно. — «Не принести ли вамъ святой воды?» спросила я, «вы сами освятили ее еще такъ недавно; она успокоитъ и поможетъ вамъ.» — «Принесите мнѣ *масла отъ мощей св. Петра*,» сказалъ онъ, «оно стоитъ у образовъ въ спальнѣ, *я самъ взялъ его изъ собора.*» Когда я подала ему масло, онъ привсталъ, перекрестился нѣсколько разъ, и помазался имъ, но только спросилъ: «горитъ ли лампада передъ образами?» Я пошла въ спальню и зажгла лампаду. — Вскорѣ ему сдѣлалось какъ будто лучше; онъ лежалъ тихо, точно отдыхалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «почитайте мнѣ,»

— Что прикажете?» спросила я. — «О таинствѣ крещенія,» отвѣчалъ онъ, «это въ духовномъ журналѣ—№ такой-то — посмотрите на этомъ стулѣ, между такими-то книгами», и указалъ такъ ясно, что о. діаконъ тотчасъ напелъ. Когда я окончила чтеніе, онъ сказалъ мнѣ: «теперь почитайте мнѣ Евангеліе.» Я выбрала изъ Евангелія отъ Матѳея нагорную проповѣдь Спасителя. Когда глава была окончена, онъ сказалъ: «довольно; теперь прочтите канонъ молебный Богородицѣ и канонъ Ангелу хранителю.» Во все время, пока я читала ему, онъ часто дѣлалъ крестное знаменіе, и тихая, святая молитва выражалась на лицѣ его. По окончаніи канона Ангелу хранителю, онъ сказалъ едва слышнымъ голосомъ: «довольно.»

Часовъ до пяти утра (13 января) онъ былъ спокоенъ, но уже видимо угасалъ,—дыханіе становилось труднѣе, голосъ слабѣлъ, произношеніе словъ дѣлалось невнятнымъ. Докторъ пришелъ очень рано и долго оставался у него. Когда онъ вышелъ, то сказалъ намъ: «о. Порфирій при послѣднихъ минутахъ жизни своей; онъ до вечера не доживетъ, и священника не дождется; я совѣтую вамъ спросить у него, не теряя времени, не желаетъ ли онъ сдѣлать какія нибудь распоряженія.» — «Но это встревожитъ его», возразила я. — «Нисколько,» отвѣтилъ докторъ; «онъ изумительно спокойно говоритъ о себѣ; онъ самъ спросилъ меня, долго ли еще остается жить ему?» — «Что же вы сказали?» спросила я. — «Я сказалъ на двое», отвѣтилъ докторъ;» я сказалъ, что имѣю мало надежды, но что конецъ его жизни можетъ наступить скоро, но можетъ и замедлить.» — По уходѣ доктора, я съ о. діакonomъ вошла къ больному, чтобъ спросить у него о его послѣдней волѣ. На вопросъ мой: какъ онъ себя чувствуетъ? онъ отвѣчалъ: «все также, да вы лучше меня знаете; вѣроятно докторъ съ вами откровеннѣе.» — «Да, я сейчасъ говорила съ нимъ, и не могу скрыть отъ васъ, что онъ беспокоится на вашъ счетъ.» — «Что же онъ вамъ сказалъ?» спросилъ онъ нѣсколько отрывисто. — «Онъ сказалъ мнѣ, что еще надѣется на вашъ сильный организмъ и что, можетъ быть, вы выдержите эту болѣзнь, но съ другой стороны не

ручается и за короткое время. Конечно, все въ волѣ Божіей, и мы надѣемся, что Онъ сохранитъ васъ; но во всякомъ случаѣ, для вашего и нашего спокойствія, если вы имѣете сдѣлать какія нибудь распоряженія, то передайте намъ: вы можете быть вполне увѣрены, что мы свято передадимъ каждое слово ваше.» Онъ вдругъ взглянулъ на меня пристально, и въ этомъ взглядѣ выразилась еще разъ, и въ послѣдній разъ, вся сила воли его. Послѣ минуты молчанія, въ которую онъ какъ будто собиралъ послѣднія силы свои, онъ опять взглянулъ на меня, и самымъ спокойнымъ, твердымъ и внятнымъ голосомъ произнесъ слѣдующее: «на похороны мои 200 скудъ ¹ отдайте отцу Михаилу. — я думаю довольно», и потомъ вынулъ ключъ, и, отдавая его мнѣ, прибавилъ: «вотъ ключъ отъ письменнаго стола моей спальни; — тамъ въ ящикѣ лежитъ бумажникъ съ деньгами, и подлѣ другой свертокъ. Русскія книги отдайте въ здѣшнюю церковную библіотеку; иностранныя переплите въ Москву обществу любителей духовнаго просвѣщенія; все остальное завѣщаю племяннику моему Кузнецову, учителю въ Вологдѣ; вы его знаете.» Сказавъ это, онъ оставался безмолвнымъ. Часовъ въ 9 утра спросилъ чаю и выкушалъ нѣсколько чапекъ одну за другою: онъ уже былъ такъ слабъ, что все выпадало изъ рукъ его, а между тѣмъ, когда я хотѣла помочь ему, онъ говорилъ: «не надо, я и самъ могу держать.» И только лѣкарство припималъ онъ не изъ своихъ рукъ. Часовъ въ 11-ть онъ спросилъ кунать обычной пицци своей — рисовой кашни. Когда ее подали, онъ сталъ безпокоиться, приготовить ли Сальваторъ намъ завтракъ и пили ли мы чай. Въ это время принесли письмо (13 января) съ почты. Я передала ему, онъ распечаталъ и читалъ его съ замѣчательнымъ на лицѣ удовольствіемъ. — «Какъ я доволенъ», сказалъ онъ, окончивъ письмо; «это отъ о. архимандрита Игнатія: мой помощникъ выѣзжаетъ, пожалуй, уже выѣхалъ, недѣли черезъ двѣ будетъ здѣсь, — теперь я совершенно спокоенъ. Я вамъ прочту пись-

¹ О. Михаилъ и о. діаконъ съ причетниками нашей посольской церкви Долоцкимъ и Березкинымъ, положительно отказались принять эту сумму и пожелали, чтобы она была присоединена къ той, которая осталась послѣ отца Порфирія. Желаніе ихъ было исполнено.

мо.» — «Да зачѣмъ же вамъ утруждать себя чтеніемъ: если позволите, я сама прочту», сказала я. Онъ передалъ мнѣ письмо и продолжать говорить о своемъ помощникѣ, не замѣчая, вѣроятно, что слова его были уже невняты и иногда непонятны. Потомъ опять прочелъ письмо. Къ часу дня показались всѣ признаки близкой кончины; дыханіе сдѣлалось конвульсивно и коротко, хрипота усилилась, руки холодѣли. Черезъ нѣсколько времени онъ сталъ что-то говорить и можно было разобрать лишь то, что слова эти были на итальянскомъ языкѣ; я попросила его сказать порусски;—невнятно и тихо сказалъ онъ, чтобъ позвали его служителя.

Минуть за 15 до кончины, онъ попросилъ поднять подушки повыше и облокотился на правую руку, поддерживая ею голову. Въ другой рукѣ пульсъ пересталъ уже биться; она лежала холодная и недвижимая. Последнія минуты были тяжки. Кажется о. Порфирій уже не былъ въ полной памяти. Когда онъ открывалъ глаза, что было ежесекундно, то онъ усиливалъ взглядъ, какъ будто желая узнать и увидѣть окружающее его. Взглядъ этотъ былъ слабъ и мутенъ; дыханіе слишкомъ рѣдко. Вдругъ лице его измѣнилось; блѣдность исчезла, онъ сталъ сдвигать брови все болѣе и болѣе, открывалъ немного глаза, и тяжелый послѣдній вздохъ сказалъ, что душа его оставила нашъ міръ. Но еще одна минута — и новое явленіе: лице его, покрывшееся блѣдностью, внезапно стало яснѣе и яснѣло все болѣе и болѣе; улыбка показалась на устахъ. Глядя теперь на него, можно было подумать, что, видно, міръ блаженства засіялъ передъ нимъ, что видно предстаетъ онъ предъ Того, чью волю и заповѣди исполнять до послѣдней минуты своей праведной жизни. Такъ и звучали въ сердцѣ слова Спасителя: *блажени чистиі сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ*. Но чрезъ минуту все исчезло: о. Порфирій мирно почилъ въ среду, 13 января.

Тѣло его было поставлено въ спальню. Отецъ Михаилъ пріѣхалъ къ вечеру. Всѣ русскіе собирались къ паннихидамъ — утреннимъ и вечернимъ. Даже многіе члены римскаго духо-

венства приходили поклониться праху его, а пѣкоторые римляне неоднократно цѣловали руки его.

Отпѣваніе тѣла совершено было въ пятницу 15-го числа, въ посольской церкви. Русскіе, знавшіе и незнавшіе о. Порфирія, были всѣ въ церкви и проводили его до послѣдняго мѣста упокоенія. — А это мѣсто около Monte Testaccio, гдѣ находится кладбище для иностранцевъ, не принадлежащихъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію; тамъ хоронятъ и русскихихъ.¹

Господи, учини душу его, идѣже праведницы Твои сіяютъ, яко свѣтила!

Софія Сухово-Кобылина.

¹ Тѣ изъ русскихихъ, которые знали о. Порфирія, пожелали сообща поставить надъ прахомъ его мраморный памятникъ. Онъ приводится въ исполненіе и скорѣе будетъ готовъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, мая 17 дня 1867 года.

Печатано въ типографіи духовнаго журнала „Странникъ“, на Екатерининской улицѣ, близъ Смольнаго монастыря, въ д. Энгардта № 60—3.

